

УДК 342

**ДИСПОЗИТИВНЫЕ НОРМЫ В РАМКАХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА
КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Шурыгина Ю. В.

Уральский институт ГПС МЧС России, Россия, г. Екатеринбург

Статья посвящена рассмотрению диспозитивных норм как особой формы регулирования правоотношений, являющейся важным условием создания правового порядка, защиты, охраны и гарантий прав и свобод. Целью исследования является обоснование необходимости применения одного из способов правового регулирования – правового режима, устанавливаемого законодательством и обеспечиваемый государством, имеющий целью регламентировать конкретные области общественных отношений, представляющий собой особый порядок правового регулирования. Методологической основой исследования являются научные методы, такие как, например, диалектический метод познания, который позволяет проанализировать рассматриваемое явление в развитии, взаимосвязи, а также общенаучные и частнонаучные методы. Проанализированы основные признаки правовых режимов, а также изучены подходы в толковании понятия «правовой режим». Диспозитивный характер правоотношений является, скорее, исключением (в настоящее время следует отметить наличие правовых режимов, основанных не только на запретах, но и содержащих определенные преференции субъектам правоотношений – предоставление дополнительных прав, государственных гарантий, освобождение от некоторых обязанностей).

Ключевые слова: диспозитивные нормы, форма регулирования правоотношений, административно-правовые средства, правовой режим, преференции субъектам правоотношений.

Право, являясь одним из особых государственных регуляторов общественных отношений, придает им (отношениям) правовую форму. Правовое регулирование является важным условием создания правового порядка, защиты, охраны и гарантий прав и свобод [1]. Одним из способов правового регулирования является правовой режим. В современном научном правовом сообществе существует множество подходов к толкованию понятия «правовой режим». Среди активных участников дискуссий, чье мнение является важным и заслуживающим внимания, являются: С.С. Алексеев, Б.Б. Бидова, В.Б. Исаков, А.В. Малько, Н.И. Матузов, О.С. Родионов, Э.Л. Сидоренко и др.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания, позволяющий провести глубокий и всесторонний анализ рассматриваемого явления в динамике его развития, взаимосвязи, а также общенаучные и частнонаучные методы. Базовые признаки правовых режимов, на наш взгляд, исчерпывающим образом сформулировали А.В. Малько и Н.И. Матузов, по мнению которых правовые режимы: «устанавливаются законодательством и обеспечиваются государством <...> имея своей конечной целью регламентирование конкретных областей общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права; <...> являются формой особого порядка правового регулирования, состоящего из совокупности юридических средств и характеризуются определенным их сочетанием; <...> сознают конкретную степень благоприятности / неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов и их объединений»[2].

При этом важно учитывать, что в нормативно-правовых актах РФ, а также субъектов РФ содержатся административно-правовые средства, применяемые для спе-

циального регулирования, обеспечения безопасности и защиты общественных отношений, ограничения и пресечения негативных воздействий на личность, обеспечение прав и свобод человека, а также прав хозяйствующих субъектов [3].

Благодаря современному развитию юриспруденции во главу угла выводится комплексная правовая методология толкования, применяемая к конкретному субъекту права (его правоспособности и дееспособности), к конкретному объекту права (его правовому режиму), к конкретным обстоятельствам осуществления права, в том числе обстоятельств времени и места (окружающей географической, экономической, политической, культурной среды) и т.д. Такая комплексность основана на использовании широкого арсенала средств и способов механизма внутриотраслевого правового регулирования соответствующих общественных отношений. Кроме того, в рамках общей системы права следует совместно использовать способы и средства механизма правового регулирования общественных отношений в целом.

В последние десятилетия международные организации разработали и приняли значительное количество международных документов рекомендательного характера в различных формах и нормативных документах, составляющих основу мягкого права. Эти документы активно используются в международно-правовом регулировании отношений и инкорпорированы в национальные законодательства государств. Среди таких документов следует выделить стандарты как отдельный вид нормативно-правовых документов рекомендательного характера. Применение стандартов как элемента международно-правового регулирования отношений указывает устойчивую тенденцию в работе международных организаций в направлении создания общих условий имплементации как международных соглашений универсального характера, так и отдельных решений международных организаций. Автор подчеркивает, что основной причиной появления таких актов является регулирование организационно-технических вопросов в соответствии с особенностями деятельности международных организаций. При этом такие технические стандарты сами по себе становятся универсальным правовым механизмом обеспечения выполнения межгосударственных обязательств [4].

Трактование понятия «стандарт», которое нам предоставляет Юридическая энциклопедия, определяет стандарт как разновидность документа, устанавливающего для общего и многократного применения правила поведения, общие принципы или характеристики, относящиеся к деятельности или результатам такой деятельности, с целью достижения оптимальной степени упорядоченности в определенной области [5]. На национальном уровне понятие стандарта рассматривается как элемент системы правового регулирования сферы публичных отношений.

Разработка международных стандартов – прерогатива международных организаций. Правотворческую деятельность международных организаций по стандартизации условно мы можем разделить на две базовые составляющие: создание стандартов технического характера, направленных на упорядочение и унификацию деятельности в рамках отдельных сфер отношений; внедрение стандартов поведения, устанавливающих условия или требования к реализации международно-правовых документов и норм-принципов международного права.

В некоторых случаях стандарты сочетают эти признаки, такие как стандарты в сфере международно-правового регулирования защиты окружающей среды, снятие торговых барьеров во внешнеэкономической деятельности, стандарты в сфере меж-

дународных перевозок и т.д. Соблюдение стандартов, принимаемых в рамках уставной деятельности Международной организации гражданской авиации, Всемирной организации здравоохранения, Международной морской организации определяется конвенционным механизмом их принятия и применения. При этом стандарты представляют собой компоненты такого международно-правового механизма. В любом случае государства соблюдают международные стандарты на основании целесообразности их использования, соответствия их государственным интересам и международным обязательствам. Международные стандарты присутствуют во многих областях правового регулирования [6].

По нашему мнению, следует различать следующие виды стандартов в базовых сферах международно-правового регулирования отношений:

- организационно-технические стандарты, применяемые как регламенты выполнения требований и обеспечения технических характеристик объекта отношений;
- правовые стандарты, определяющие юридические подходы к урегулированию отношений между субъектами права или формированию правового режима.

По мнению М.Е. Глазковой [7] следует различать определенные уровни генезиса правовых стандартов и непосредственно уровни стандартов. Стандарты могут формироваться как внутри государства (национальные стандарты), так и на уровне межгосударственного общения – региональном или универсальном (международные стандарты). При этом существуют разные векторы движения правовых стандартов. Так, некоторые стандарты на уровне национальной правовой системы становятся международными, и наоборот.

А.В. Малько [8] указывает на то, что значительное количество международных стандартов по уровню своей юридической силы диспозитивно, что означает право государств при урегулировании отношений изменять их на основе международного соглашения, отменять или вводить новый стандарт.

Наиболее исследуемые формы международно-правовых стандартов можно наблюдать в сфере защиты прав человека. Такие стандарты воспринимаются международным сообществом как общепризнанные международно-правовые нормы, определяющие статус человека и гражданина и содержащие перечень основополагающих прав и свобод индивидуума, устанавливают обязанность государств соблюдать эти права и свободы и регламентируют возможности их ограничения. Основными международно-правовыми документами, устанавливающими общечеловеческие стандарты прав и свобод и имеющими широкий спектр применения, являются: Общая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейский социальный стандарт 1961 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Заключительный акт Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе 1975г., итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе 1989 г., Заключительный акт Копенгагенское совещание по человеческому измерению СБСЕ 1990 г.

ООН проводит деятельность по установлению международных стандартов в области защиты прав и свобод человека на постоянной основе. Характерным примером деятельности ООН во введении международных стандартов в национальное правовое пространство можно считать Резолюцию ГА ООН №41/120 «Установле-

ние международных стандартов в сфере прав человека» от 04.12.1966 г. Этой резолюцией были приняты руководящие принципы, которые рекомендуется учитывать при разработке документов вопросы защиты прав человека и стандартизированные подходы, отвечающие нормам международного права этой сферы отношений. Среди требований к национальным нормативным документам отмечается, что документы должны отражать человеческие ценности, быть реалистичными, предусматривать четкий механизм реализации, а также опираться на социально-политическую поддержку в государстве [6].

Международные стандарты нельзя рассматривать вне международной правовой системы, поскольку они обладают характерными признаками международных норм, которые сближают их с правовыми нормами и определяют их действенность.

1. Стандарты содержат не просто правила поведения, а критерии, предъявляемые к объектам правового регулирования, и имеющие решающее значение для обеспечения механизма международно-правового регулирования отношений.

2. Международные стандарты являются элементом системного подхода к правовому регулированию и это позволяет проводить постепенную унификацию и общую стандартизацию на межгосударственном уровне, что важно для организационно-технического направления межгосударственного сотрудничества.

3. Применение государствами стандарта имеет ряд существенных преимуществ, к которым можно отнести следующие:

- принятие международных стандартов в национальное законодательство означает заинтересованность государства, применять стандарты в качестве элементов международно-правовых механизмов урегулирования отношений;

- стандарты обеспечивают равенство субъектов отношений и унифицированные подходы к правовому регулированию, и такая универсальность стандартов повышает эффективность международного сотрудничества. В частности, за счет такого подхода на взаимовыгодной основе устанавливаются условия развития эффективной кооперации в экономической сфере международных отношений.

Следует отметить, что объективным явлением современного международного права является мягкое право, развитие которого обусловлено динамикой международных отношений, сложностью и многофакторностью правотворческой деятельности международных организаций, и усилением роли международных организаций в урегулировании международных отношений. Мягкое право имеет условную юридическую силу, которую нужно доказывать в каждом конкретном случае их применения, при этом нормы мягкого следует рассматривать как часть комплексного механизма обеспечения реализации норм международного права.

Международные стандарты – это действенный элемент международно-правового регулирования многих сфер международных отношений. Международные стандарты защиты прав человека благодаря усилиям ООН внедряются в международную правовую систему и национальные юридические системы, образующие общую правовую платформу защиты прав человека. Преимущества применения международных стандартов указывают на широкую перспективу их применения как элемент механизма международно-правового регулирования. Международный стандарт, принятый в национальное законодательство, качество нормативно-правового документа способствует развитию нормативно-правового регулирования международного сотрудничества во многих сферах международных отношений.

Обще разрешительное юридическое регулирование как инструмент реализации социальной свободы и активности личности, по существу отвечает явлению диспозитивности права. Соответственно исследование соотношения «общеразрешения» и «диспозитивности», как предполагается, позволит сформировать надлежащую методологическую основу для характеристики указанного типа правового (юридического) регулирования.

Как известно, термин «диспозитивность» имеет латинское происхождение (от позднелатинского *dispositivus* – «тот, что распоряжается») и буквально означает «распоряжаюсь». В юридической доктрине под диспозитивностью понимают возможность субъектов самостоятельно упорядочивать (регулировать) свои отношения, действовать на собственное усмотрение: вступать в правоотношение или нет, признавать их содержание, осуществлять свои права или воздерживаться от него, исходя из нескольких предложенных законом или договором вариантов поведения выбирать оптимальный ввиду собственных интересов; исключительное право личности-носителя субъективного права, проявляющееся в свободном распоряжении своими правами; особое свойство субъективного права [10].

Юридическая природа диспозитивности раскрывается (воплощается) в соответствующем правовом методе, который, по мнению современных ученых, предполагает упорядочение поведения субъектов права путем установления трех типов юридических правил: 1) правил, устанавливающих границы разрешенного поведения субъектов; 2) субсидиарных правил, то есть применяемых только в случае, если субъекты права не установили для упорядочения отношений друг с другом правила (не удосужились, не захотели или забыли их установить); 3) правил, закрепляющих принципы правового регулирования определенной сферы общественных отношений, таких как: принципы справедливости, добросовестности, разумности, которые должны учитывать субъекты гражданских правоотношений и которым она должна соответствовать их поведению.

Особенностью такого метода считают, среди прочего, определенный порядок (характер оснований) установление юридических прав и обязанностей, степень (меру) определенности предоставленных прав, формирование правоотношений, в частности по принципу: «разрешено все, что прямо не запрещено нормами права». При этом отмечается, что «диспозитивность» касается как сферы частных, так и сферы публичных отношений, но ее объем будет зависимым: в частных отношениях присутствует «элемент творчества», «собственного усмотрения» в определении субъектами их взаимных прав и обязанностей, в публичных – обычно будет иметь место свобода выбора вариантов поведения, всегда предусмотренного предписаниями положительного права. Приведенное формирует методологическую основу для признания обще разрешительного юридического регулирования особым проявлением диспозитивности, поскольку содержание такого регулирования составляет признание правомерного поведения, даже вообще не предусмотренной правом.

Дополнительные аргументы приведенной позиции можно найти, анализируя юридический инструментарий опосредованные «диспозитивности» – соответствующие принципы и нормы права. Так, например, уже упомянутый принцип добросовестности, входит в комплекс нормативно-правовых предписаний, которыми обеспечивается обще разрешительное юридическое регулирование, в частности его основная идеологическая составляющая – свободное развитие личности, свобода и

собственное усмотрение в осуществлении прав, если при этом не нарушаются права и свободы других людей. То же самое можно отметить и по принципам свободы договора, свободы предпринимательской деятельности, не запрещенной законом (ст. 3 ГК РФ). Подобные рассуждения, как кажется, можно выразить и по поводу диспозитивных норм права.

Обычно такие нормы выделяют с учетом метода правового регулирования, обеспечивающего целостность диспозитивной конструкции. Их еще называют «запасным вариантом», «резервным» правилом поведения в случае, если субъекты права не воспользовались предоставленной им возможностью установить другой порядок правового регулирования и формулируются они с использованием оговорок типа «при отсутствии другого соглашения», «если другое не установлено договором».

Отмечают также и сложность такой нормы, в которой органически совмещаются два самостоятельных правила: первое – предоставление лицам полномочий действовать в конкретных условиях по своему усмотрению, второе – это предписание на случай, если стороны не договорились о другом. При этом традиционно принималось во внимание сама договорная регулировка. Но стоит заметить, что многие нормативные предписания вмещают так называемые общие разрешения, которые тоже обуславливают определенную свободу действий, усмотрение отдельного лица при осуществлении им своего субъективного права.

Приведенные нормы-предписания «запускают» в ход механизм именно обще разрешительного юридического регулирования, поскольку государством санкционируется разнообразие средств осуществления субъективных прав, а также – не формализованных законом интересов, что, в свою очередь, составляет основу поведения, прямо не предусмотренного правом. При этом такие нормы полностью соответствуют разрешительной (диспозитивной) модели построения правового материала, основная задача которой – предоставить лицу возможность самому, собственной волей определять свое поведение, освободив пространство для действий человека по своему усмотрению.

Таким образом, определяется понимание обще разрешенного юридического регулирования, как проявления диспозитивных возможностей права, позволяющего использовать соответствующий методологический ресурс для исследования такого регулирования, в частности относительно сферы его применения, юридических средств и технико-юридических приемов воплощения.

В зависимости от методов правового регулирования в теории права нормы делятся на императивные и диспозитивные. Оба вида правовых норм содержат обязательные для выполнения правила поведения участников отношений. При этом участники отношений при наличии императивного регулирования не имеют альтернативных вариантов поведения. И, напротив, диспозитивный метод регулирования свидетельствует о предоставленной сторонам возможности выбора вариантов поведения.

Императивность норм права воплощает в себе категорические требования (запреты или положительные обязательства) к поведению участников правовых отношений. В частности, такие проявления категоричности, как правило, наблюдаются в нормах-принципах, нормах-дефинициях, а также в нормах, устанавливающих юридические обязанности как результат установления юридических (правовых) ограничений в широком понимании. Императивная норма категорична, поскольку она не

допускает отступления от правила поведения, предусматриваемого ею. Однако это не означает, что при закреплении в императивной норме, субъективное право участников отношений должно быть обязательно реализовано, поскольку в противном случае это уже было бы не право, а юридическая обязанность. Императивная норма наделяет субъект отношений субъективным правом, сформулированным в безальтернативной форме, но решение по реализации такого права отдано на свободу выбора субъекта [11].

Диспозитивная норма является юридически установленной мерой возможного правомерного поведения субъектов права, предусмотренной для того случая, когда стороны могут вариативно использовать свои права и свободы, а также когда законодатель устанавливает в нормах права определенные предписания, касающиеся конкретных жизненных случаев [12].

Из указанного следует, что проявления диспозитивности могут быть выражены в двух вариантах поведения сторон: во-первых, самостоятельно принимать решение о применении или неприменении нормы права, а во-вторых, выбирать одну из моделей поведения, предусмотренную в норме законодателем. В первом варианте сформулирована возможность само регуляции отношений, второй вариант отражает вариативность поведения процессуальных субъектов в рамках правила установленно-го законодателем.

Среди диспозитивных норм обращает на себя внимание диспозитивная норма-предписание, которая обобщенно определяется учеными как предусмотренное государством правило поведения, сформулированное таким образом, что может быть изменено по соглашению сторон правоотношения, а в неизменном виде применяется к его участникам только в том случае, если они не выбрали себе другой вариант поведения. Согласно такому научному представлению о диспозитивности, последняя основана на нормах права правовой свободой субъектов отношений в выборе вариантов поведения. Другими словами, это возможность субъектов отношений в установленных пределах, правомерно, приобретать субъективные права и юридические обязанности, формировать структуру субъективных прав, осуществлять по своему усмотрению эти права, а также придерживаясь определенного законодателем процессуального порядка осуществлять защиту нарушенных прав.

Субъективные права, выраженные в право наделяющих полномочиях, реализуются с учетом общих правил судопроизводства, с соблюдением процессуальных требований добросовестности и диспозитивности. Детализация процессуальных действий производится при установлении порядка их осуществления, что обеспечивает своевременность, четкость и однозначность выражения воли участников хозяйственных процессуальных отношений. Это позволяет избежать или минимизировать вероятность совершения ошибок и одновременно утверждает неизменность и безотзывность волеизъявления сторон при совершении процессуальных действий.

Рассмотрим связь диспозитивных начал в материальном и процессуальном праве. Общепринятые основы теории процессуального права устанавливают, что процессуальное право – это право публичное, а это означает, что, устанавливая публичный порядок законодатель фиксирует его в императивных нормах, и волей участников его изменить нереально, а таким образом нереально и применить договорные базы регулирования. Критикуя такой подход, ученые отмечают, что данный подход является остатками советского наследия, а диспозитивные нормы могут

быть установлены как в частном, так и в публичном праве. Из этого следует, что наличие в процессе подавляющего количества императивных норм само по себе не означает запрета на применение договорных средств регулирования хозяйственных процессуальных отношений.

Диспозитивность в материальном и процессуальном праве применяется в разных объемах, что отражается в возможностях участников материальных и процессуальных отношений. Достаточно очевидно то, что участники отношений не могут так же свободно действовать в процессуальных и материальных отношениях. Это обстоятельство свидетельствует о том, что связь между процессуальной и материальной диспозитивностью не является непосредственной, линейной. Анализ норм процессуального хозяйственного права показывает своеобразие норм хозяйственного процессуального права. Данное своеобразие состоит в том, что процессуальное право не определяет и не закрепляет напрямую принцип свободы действия участников. Но это не значит, что такая свобода у сторон процесса отсутствует. В хозяйственном судопроизводстве диспозитивность проявляется в том, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе сторон – непосредственных участников спорных материальных отношений, которые могут с помощью суда распоряжаться как процессуальными, так и спорными материальными правами [13].

В отличие от материального права, в котором нет необходимости специально закреплять право наделяющие предписания, вопрос о диспозитивности процессуальной нормы решается иным образом. В процессуальной диспозитивной норме, в частности, в диспозиции о праве сторон на включение конкретных положений в договоренность, законодатель, придерживаясь публичного правопорядка или по другим причинам, параллельно закладывает императивные положения. В частности, в тех случаях, когда стороны не могут самостоятельно определить содержание своих прав и обязанностей, законодатель предоставляет свои стандарты поведения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что диспозитивность является основой для внедрения в хозяйственном процессе договорных начал. Установлено, что при этом происходит взаимодействие диспозитивных норм материального и процессуального права. Это указывает на необходимость учета такой особенности при применении договорного регулирования хозяйственных процессуальных отношений.

Осуществляя свое субъективное право стороны, выполняют одностороннее или двустороннее предписание диспозитивной процессуальной нормы. Диспозитивность норм процессуального права дает сторонам процессуальных отношений возможность определять направление развития хозяйственного процесса на определенных и согласованных условиях. Выбранный вариант поведения осуществляется на основе выбора сторон, но с обязательным исполнением положений императивных процессуальных норм. Применяя договорные основы для регулирования процессуальных отношений, стороны активно, под руководством суда, защищают свои материальные права. Таким образом, диспозитивные возможности договорного регулирования хозяйственных отношений связаны с императивными нормами процессуального хозяйственного законодательства.

Правовым режимам свойственен в большей степени императивный характер; диспозитивный характер правоотношений является, скорее, исключением [4]. Одна-

ко в настоящее время следует отметить наличие правовых режимов, основанных не только на запретах, но и содержащих определенные преференции субъектам правоотношений – предоставление дополнительных прав, государственных гарантий, освобождение от некоторых обязанностей. На практике такие административно-правовые режимы, как правило, имеют место в сфере инновационной деятельности [15]. Их реализация имеет место и осуществляется в целях поддержки и стимулирования экономической деятельности предприятий, когда дополнительные преференции являются, большей частью, своеобразным стимулом деятельности. Как пример практического проявления и применения норм, содержащих преференции и льготы в рамках правовых режимов, которыми вправе воспользоваться субъекты таких правовых режимов, считаем, является формирование на территории Российской Федерации территорий опережающего социально-экономического развития.

30 марта 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ), которым осуществляется определение правового режима территорий опережающего социально-экономического развития в РФ, меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях. Так, согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона № 473-ФЗ, территорией опережающего социально-экономического развития является «территория субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения» (п. 3 ст. 2 Федерального закона № 473-ФЗ).

Формирование территории опережающего социально-экономического развития осуществляется на период в 70 лет по решению Правительства РФ на основании предложения/постановления уполномоченного федерального органа, предусматривающего:

- объем минимальных капитальных вложений резидентов территории опережающего социально-экономического развития в осуществление конкретно определенных и утвержденных видов экономической деятельности;
- перечень четко обозначенных видов экономической деятельности, при осуществлении которых подтверждается действие особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности;
- утверждается положение о применении/неприменении на данной территории таможенной процедуры свободной таможенной зоны в соответствии с правом Евразийского экономического союза и требованиями законодательства РФ (ст. 2 Федерального закона № 473-ФЗ).

После фактического принятия соответствующих постановлений Правительством РФ уполномоченный федеральный орган, высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ и исполнительно-распорядительный орган муниципального образования или исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований, на территориях которых образовывается территория опережаю-

щего социально-экономического развития [16]. В Соглашении о создании территории опережающего социально-экономического развития определяются нормы, определяющие преференции для хозяйствующих субъектов – резидентов территории опережающего социально-экономического развития, в т.ч. условия относительно предоставления налоговых льгот по уплате налогов на имущество организаций, земельного налога, с указанием сроков предоставления данных льгот

Таким образом, субъектами правового режима территории опережающего социально-экономического развития являются хозяйствующие субъекты, расположенные и осуществляющие хозяйственную деятельность на соответствующей территории, и которые вправе воспользоваться теми льготами и преференциями, для них установленными в рамках соответствующего правового режима. При этом хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, не только обязаны соблюдать правила, действующие на соответствующей территории, но и вправе пользоваться правами, в т.ч. дополнительными правами, льготами и преференциями, которые могут быть установлены в рамках правового режима. Особая роль закреплена за такими субъектами правового режима, как органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов, а также органы местного самоуправления. Их задача – не только неукоснительно самим соблюдать правила правового режима, но и осуществлять контроль за соблюдением таких правил остальными участниками правового режима.

Территории опережающего социально-экономического развития образуются на территориях, где существует фактический риск существенного ухудшения социально-экономического положения [15], в том числе и на территориях со стабильной социально-экономической ситуацией на основании критериев, которые определяются Правительством РФ. Образование подобных территорий опережающего социально-экономического развития должно быть объективным с позиции целесообразности и с учетом действующих льготных режимов на указанных территориях. Так, в рамках Федерального закона № 473-ФЗ на территории Свердловской области с 2016 по 2020 год на основании соответствующих постановлений Правительства Российской Федерации созданы следующие территории опережающего развития:

- Территория опережающего социально-экономического развития «Красноурьинск» (Постановление Правительства РФ от 16.09.2016 № 942 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Красноурьинск”»);
- Территория опережающего социально-экономического развития «Лесной» (Постановление Правительства РФ от 12.02.2019 № 131 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Лесной”»);
- Территория опережающего социально-экономического развития «Новоуральск» (Постановление Правительства РФ от 12.02.2019 № 130 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Новоуральск”»);
- Территория опережающего социально-экономического развития «Верхняя Тура» (Постановление Правительства РФ от 21.11.2020 № 1894 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Верхняя Тура”»)

Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития Свердловской области содержит свыше 20 хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории вышеуказанных территорий – «Красноурьинск», «Лесной», «Новоуральск», «Верхняя тура».

В процессе исследования определена сущность правового режима, которая состоит в том, чтобы с помощью особого сочетания разрешений, запретов и положительных обязательств создать особый порядок правового регулирования – необходимые условия для беспрепятственной реализации субъектами своих прав и законных интересов, ограничение противоправной деятельности; достижение других социально-полезных целей. В свою очередь, содержание правового режима составляют правовые средства разного уровня, включая правовые принципы, формирующие и определяющие данный порядок, который позволяет в итоге получить необходимый (желаемый) результат при решении конкретных юридических ситуаций.

Получено комплексное представление о том, какое существует множество подходов в толковании понятия «правовой режим», рассмотрены «правовые режимы», а также указали, что правовым режимам свойственно в большей степени.

Обозначено, что, начиная с 2015 г., сформировался правовой механизм регулирования создания территорий опережающего социально-экономического развития на территории Российской Федерации путем применения не только императивных норм, носящих запретительный характер, но, в определяющей степени, посредством практической реализации норм разрешительного характера, норм, определяющих дополнительные права и льготы субъектов правового режима.

Список литературы:

1. Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9 (57). С. 19-26.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16-29.
3. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права: учеб. для студентов вузов / Изд-во «Юридическая литература». 1987. С. 245-267.
4. Лелюх В.Ф. Влияние международно-правовых стандартов обращения с осужденными на их ресоциализацию // Уголовная юстиция. 2020. №15. С.77-80.
5. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 2001. – 1272 с.
6. Матвеев Д.Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: Конституционно-правовой анализ: дисс... канд. юридич. наук. М.: 2003. 167 с.
7. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: дисс... канд. юридич. наук. М.: 2010. 245 с.
8. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. Стандарты оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Государство и право. 2019. №10. С. 49–57.
9. Сафиханлы А.М. Роль национальных правозащитных учреждений в продвижении и реализации руководящих принципов ООН в сфере бизнеса и прав человека // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. №2. – С. 64–71.
10. Залхаева Д.Ш. Базовые модели регулирования договорных отношений в гражданском законодательстве // Синергия Наук. 2020. №5. – С. 115–121.
11. Дудина А.Н. Императивные нормы права: теоретико-правовое исследование: дисс... канд. юридич. наук. Иркутск, 2018. 240 с.
12. Ушницкий Р.Р. Императивность и диспозитивность норм в методологии цивилистики // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени МК Аммосова. Серия «История. Политология. Право». – 2019. №1. – С. 39–47.
13. Уксусова Е.Е. Принцип диспозитивности: теоретико-практические аспекты взаимодействия материального и гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. №12. – С. – 106–119.
14. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М.: ВЮЗИ, 1987. 78 с.
15. Бидова Б. Б. Теоретические основы диспозитивного режима уголовно-правового регулирования // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). – С. 710–712.
16. Родионов О. С. Правовые режимы как важнейший элемент юридической политики // Правоведение. 1997. – № 4 (219). – С. 157–158.

Shurygina Yu.V. Dispositive norms within the framework of the legal regime as a special form of regulation of legal relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 126–137.

The article is devoted to the consideration of dispositive norms as a special form of regulation of legal relations, which is an important condition for the creation of legal order, protection, protection and guarantees of rights and freedoms. The purpose of the study is to substantiate the need to apply one of the ways of legal regulation - legal regime, established by legislation and provided by the state, aimed at regulating specific areas of social relations, representing a special order of legal regulation. The methodological basis of the study is scientific methods, such as, for example, the dialectical method of cognition, which allows to analyze the phenomenon under consideration in development, interrelationship, as well as general scientific and private scientific methods. Analyzed the main features of legal regimes, as well as studied many approaches in the interpretation of the concept of "legal regime". The dispositive nature of legal relations is rather an exception (at present, it should be noted that there are legal regimes based not only on prohibitions, but also containing certain preferences to the subjects of legal relations - granting additional rights, state guarantees, exemption from certain obligations).

Key words: dispositive norms, form of regulation of legal relations, administrative-legal means, legal regime, preferences to subjects of legal relations.

Spisok literatury:

1. Mal'ko A. V., Rodionov O. S. Pravovye rezhimy v rossijskom zakonodatel'stve // ZHurnal rossijskogo prava. 2001. № 9 (57). S. 19-26
2. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // Pravovedenie. 1996. № 1 (212). S. 16-29.
3. Isakov V. B. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya i pravovye rezhimy // Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. dlya studentov vuzov / Izd-vo «YUridicheskaya literatura». 1987. S. 245-267.
4. Lelyuh V.F. Vliyaniye mezhdunarodno-pravovykh standartov obrashcheniya s osuzhdennymi na ih resocializatsiyu // Ugolovnaya yustitsiya. 2020. №15. S.77-80.
5. YUridicheskaya enciklopediya / Otv. red. B.N, Toporin. – M.: YUrist", 2001. – 1272 s.
6. Matveev. D.YU. Evropejskie pravovye standarty v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: Konstitucionno-pravovoj analiz: diss... kand. yuridich. nauk. M.: 2003. 167 s.
7. Glazkova M.E. Primeneniye evropejskih standartov otravleniya pravosudiya v rossijskom arbitrazhnom processe: diss... kand. yuridich. nauk. M.: 2010. 245 s.
8. Mal'ko A.V., Afanas'ev S.F., Ermakov A.N. Standarty okazaniya kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi v Rossijskoj Federacii //Gosudarstvo i pravo. 2019. №10. S. 49-57.
9. Safihanly A.M. Rol' nacional'nykh pravozashchitnykh uchrezhdenij v prodvizhenii i realizacii rukovodyashchih principov OON v sfere biznesa i prav cheloveka //Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er». 2021. №2. S. 64-71.
10. Zalhaeva D.SH. Bazovye modeli regulirovaniya dogovornyh otnoshenij v grazhdanskom zakonodatel'stve //Sinergiya Nauk. 2020. №5. S. 115-121.
11. Dudina A.N. Imperativnye normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie: diss... kand. yuridich. nauk. Irkutsk, 2018. 240 s.
12. Ushnickij R.R. Imperativnost' i dispozitivnost' norm v metodologii civilistiki // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni MK Ammosova. Seriya «Istoriya. Politologiya. Pravo». – 2019. №1. S. 39-47.
13. Uksusova E.E. Princip dispozitivnosti: teoretiko-prakticheskie aspekty vzaimodejstviya material'nogo i grazhdanskogo processual'nogo prava //Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2021. №12. – S. – 106-119.
14. Bonner A.T. Princip dispozitivnosti sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. M.: VYUZI, 1987. 78 s.
15. Bidova B. B. Teoreticheskie osnovy dispozitivnogo rezhima ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Molodoy uchenyj. 2015. № 24 (104). – S. 710–712.
16. Rodionov O. S. Pravovye rezhimy kak vazhnejshij element yuridicheskoy politiki // Pravovedenie. 1997. – № 4 (219). – S. 157–158.